

Син Янь и Хэ Ци едва переступили порог, как мать Нью-ню остановила их. Она достала из старого шкафа для обуви две пары домашних тапочек и предложила им переобуться. Хэ Ци, надев женские тапочки, почувствовал, что они ему слегка жмут. Опустив взгляд на ноги Син Яня, он заметил, что тому ещё хуже — пятка полностью висела в воздухе. Очевидно, это были тапочки той самой эксцентричной матери и её сына, других в шкафу не было. Осмотревшись, они поняли, что все следы их присутствия в этом доме уже стёрты. Возможно, тапочки, которые они сейчас носили, были единственным доказательством того, что они когда-то здесь жили. Мать Нью-ню, видимо, забыла их убрать во время уборки или намеренно оставила на месте. Когда она доставала эти слегка поношенные тапочки, на её лице не было и намёка на ностальгию или грусть.

Нью-ню, схватив Син Яня за руку, усадила его на диван, полностью проигнорировав Хэ Ци. Тому пришлось молча подойти к дивану и сесть подальше от Син Яня.

Мать Нью-ню принесла из кухни две чашки простой воды и поставила их перед ними. Хэ Ци почувствовал неловкость, быстро встал, взял чашку из её рук и начал извиняться за то, что побеспокоил их так поздно.

Женщина улыбнулась ему, её губы под светом лампы казались бледными, а под глазами были явные тёмные круги. Хэ Ци наконец смог разглядеть её лицо. Её черты были ничем не примечательны, на скулах виднелись следы загара, морщинки у глаз ещё не появились, а детская пухлость на щеках ещё не совсем исчезла. Она выглядела ненамного старше него. Раньше, встречая её в подъезде, он запомнил её как невысокую, но энергичную женщину. Она всегда торопилась вниз, проносясь мимо, словно маленький ураган, будто ей нужно было срочно куда-то бежать.

А вот образ мужчины он помнил смутно. В памяти осталось, что он был невысоким, любил курить на балконе, выкуривая по несколько сигарет подряд. После курения он обычно откашливался и сплёвывал вниз. Это больше всего раздражало Хэ Ци. Каждый раз, услышав эти звуки, он спешил заткнуть уши и убежать в комнату.

А ещё была та самая «источник всех бед» — мать мужчины. Эту женщину Хэ Ци точно не мог забыть. Она приехала сюда полгода назад из родной деревни. До её приезда в доме, хоть и не было идеальной гармонии, всё же царила обычная семейная атмосфера, без особых скандалов. Но с её появлением ссоры стали происходить каждые три дня, а раз в пять дней случались настоящие скандалы, иногда даже приходилось вызывать полицию. Старушка постоянно подливала масла в огонь, а мужчина, естественно, поддерживал свою мать. Вскоре ссоры достигли невероятных масштабов. Хэ Ци иногда просыпался рано утром в выходные из-за их криков, вставая с плохим настроением, и весь его долгожданный выходной оказывался испорчен.

Син Янь говорил, что Нью-ню не сможет быть счастлива в такой обстановке, и Хэ Ци полностью с этим соглашался. Не только дети, но и он сам, если бы жил с этими двумя «экземплярами», взорвался бы уже в первый день — БУМ! От злости.

Женщина сказала ему, что это она должна извиняться, и слабо улыбнулась:

— Вы так заботитесь о Нью-ню, мне, как матери, действительно стыдно.

Хэ Ци вежливо ответил:

— Что вы! Нью-ню такая милая, всем она нравится.

Услышав это, Нью-ню сразу же отреагировала:

— Лжец!

Затем показала ему язык, схватила Син Яня за руку и умоляюще попросила:

— Давай поиграем в шарики? Ты же обещал поиграть со мной в шарики.

Неизвестно почему, но Син Янь, войдя в этот дом, стал очень скованным. Его высокий, почти двухметровый рост сгорбился, и он стал выглядеть чуть ли не одного роста с Хэ Ци. Он сидел на диване с прямой спиной, не зная, куда деть руки, и просто положил их на колени. Нью-ню звала его, но он не реагировал, только повторял:

— Позже! Позже поиграем.

Хэ Ци сразу понял: Син Янь не привык находиться слишком близко к незнакомым людям. В этом доме был только один человек, с которым он не был знаком, — мать Нью-ню. Даже если между ними не было физического, словесного или даже зрительного контакта, для Син Яня просто находиться под одной крышей с ней было уже достаточно, чтобы нервничать.

Глядя на скованного Син Яня, Хэ Ци вдруг вспомнил цель своего визита. Он резко повернулся, и из-за резкого движения из чашки, которую он держал, пролилось немного воды, но он этого даже не заметил. Его горящий взгляд устремился на мать Нью-ню, и он спросил:

— Вам нужен учитель игры на фортепиано?

Как только он произнёс эти слова, оба человека в комнате замерли. Син Янь резко поднял голову, смотря на него, и усомнился, правильно ли он услышал.

Хэ Ци поставил чашку на стол, взял Син Яня за руку и подтащил к ошарашенной матери Нью-ню, словно рекламируя товар. Он поднял руку Син Яня и показал её женщине, сказав:

— Он действительно умеет играть на фортепиано! Посмотрите на эти белые и длинные пальцы, красивые, как у женщины. Это пальцы пианиста!

Син Янь впервые почувствовал, как его охватывает злость. Ему было неприятно, что Хэ Ци, не спросив его, говорит такие вещи перед посторонними. Он попытался вырваться, но Хэ Ци снова притянул его к себе, с силой удерживая его руку.

Грудь Син Яня начала непроизвольно подниматься, дыхание участилось. Он наклонился к Хэ Ци и, сдерживая гнев, тихо спросил:

— Что ты задумал?

Хэ Ци ответил:

— Скоро узнаешь.

Женщина непроизвольно расширила глаза, а на лице Хэ Ци появилась улыбка, которую даже Син Янь мог разглядеть как вынужденную.

Он не понимал, что Хэ Ци сейчас затеял. Хотел ли он выставить его в неловком свете или себя? Ведь он сам не был мастером общения, а теперь ещё и втянул его в эту историю. Он уже давно не прикасался к клавишам и забыл, как правильно располагать пальцы. Раньше он просто в

шутку сказал Нью-ню, что научит её играть, как это попало в его уши? Более того, Хэ Ци даже не слышал его игры, как он мог утверждать, что он хорошо играет? Кто ему это сказал? Во сне?

Трое взрослых в комнате смотрели друг на друга, а Нью-ню подбежала и обняла ногу матери, смотря на них снизу вверх. На лицах каждого из них были весьма драматичные выражения. Син Янь был на грани гнева, мать Нью-ню была полностью в недоумении, её взгляд переходил с одного на другого, а Хэ Ци на мгновение смущённо улыбнулся, но затем, словно укрепившись в каком-то решении, с горящими глазами посмотрел на мать.

— Учитель фортепиано?

Мать опустила взгляд на своего ребёнка, затем смущённо сказала:

— Моему ребёнку не нужен учитель фортепиано, мы не можем себе этого позволить.

— Всего двадцать юаней в день!

Женщина нахмурилась, и Хэ Ци тут же поправился:

— Пятнадцать! В день! И ещё может присматривать за ребёнком. Ведь он всё равно без работы, целыми днями сидит без дела. И он хороший человек, я готов поручиться жизнью, что он не из тех, кто любит приставать к детям!

Син Янь покрылся холодным потом, глядя на Хэ Ци и думая: «Что он вообще несёт? Это только усиливает подозрения».

Нью-ню внизу подлила масла в огонь, хватая маму за штаны и прыгая:

— Учиться играть на фортепиано! Учиться играть на фортепиано!

Мать ещё хотела отказать, но Хэ Ци уже схватил Син Яня за руку и повёл к закрытой двери спальни. Он не знал, какая комната была Нью-ню, поэтому решил просто открыть любую. Женщина сзади вскрикнула:

— Что вы делаете?

Син Янь тоже был шокирован его внезапным поступком, называя его имя, но всё же позволил себя увлечь.

Хэ Ци открыл одну дверь, внутри было темно, на кровати даже не было матраса. Прежде чем женщина успела остановить его, он открыл другую дверь. Как и ожидалось, синтезатор Нью-ню стоял на детском столе у кровати, а сверху лежали разбросанные дешёвые игрушки.

Хэ Ци включил свет и усадил Син Яня на маленький детский стул. Женщина уже подбежала к двери, но, увидев эту сцену, остановилась. Нью-ню тоже подбежала, обняла ногу матери и, стоя у двери, смотрела на этих двоих, создававших странную атмосферу.